

Четвёртого октября исполняется 95 лет со дня рождения партизана Великой Отечественной войны. народного писателя Карелии и главного редактора литературно-художественного журнала «Север» с 1954 по 1990 год Дмитрия Яковлевича ГУСАРОВА. Дмитрий Яковлевич Гусаров не только воссоздал «Север» (в то время «На рубеже»), превратив малоизвестное петрозаводское издание в лучший региональный литературный журнал СССР. Он на многие годы определил его кредо: стремление к справедливости и правде в литературе, неприятие поверхностного и показного, поддержка молодых, уважительное отношение к авторам, кем бы они ни были – маститые и увенчанные лаврами или только начинающие свой путь. Без года 30 лет журнал живёт без Д. Я. Гусарова. Но и нынешние его сотрудники, и давние почитатели в Карелии и России всегда помнят этого удивительного человека, его трудную и яркую судьбу. Нынешняя публикация – дань памяти Дмитрия Яковлевича.

И всё же нестерпимо хочется знать, не хочется придумывать, хочется писать самую жизненную, самую достоверную правду. Ведь я имею дело не с выдуманными персонажами, а с самыми реальными, поистине живыми и воевавшими в отрядах людьми! Их уже нет по крайней мере, многих из них, и всякая, даже самая красивая придумка о них кажется мне оскорбительной...

Дмитрий Гусаров

Вначале лета 1944 года Дмитрий Гусаров приехал в Ирбит, где в полуподвальной квартирке с одним окном ждали его мама и сестры. Возмужавший, в солдатской гимнастерке без погон и с палкой в руках, он привёз в тощем вещмешке лишь стопку жесткой архангельской бумаги с набросками будущих литературных произведений.

Семья жила трудно и голодно. На родном мотозаводе бывшего слесаря-сборщика приняли с радостью, но к конвейеру не поставили. Здесь понимали, что ни смену выстоять, ни тяжести поднимать он не сможет, и определили председателем заводского совета ДСО «Торпедо».

Где-то далеко еще катилась война, пожирая всё новые и новые жизни. Но для Гусарова ратное дело закончилось. Зав учётным столом Ирбитского военкомата, куда он приковылял, чтобы встать на воинский учёт, только махнул на него рукой. Из Штаба партизанского движения пришло официальное извещение, что он может не возвращаться в Карелию, мол, с таким ранением использовать его в боевой обстановке не представляется возможным. Сам Гусаров понимал это лучше других. Что делать ему в отряде – на складе сидеть? Какой из него теперь ходок...

О своем положении он написал на партизанскую базу в поселок Шалу. Штабист партизанского отряда «Боевые друзья» сделал запись в «учетной карточке партизана»:

«С 01 июля 1944 года отчислен из отряда как не вернувшийся в отряд после ранения из госпиталя. Проживает у родителей в г. Ирбит. Приказ №074 от 26.7.44 г.

Основание: письмо т. Гусарова от 2.VII. 44 г. в деле 42.

25.VII. 44 г. Подпись...»

1

ва года, до лета 1946-го, Д. Гусаров прожил в Ирбите. Работал заместителем секретаря заводского комитета комсомола, а летом старшим пионервожатым пионерского лагеря Уральского военного округа.

Рана зажила, и Дмитрий вскоре отказался от палки и прятал небольшую хромоту, стараясь не отличаться от заводской молодёжи. Как в госпитале, так и на мотоциклетном заводе вокруг него всегда были сверстники. Дмитрий Гусаров и организатор умелый, и рассказчик каких поискать, и гармонист удалой. Гармошка выручала не только в общественной работе, она помогала выживать семье. Директор завода разрешил Дмитрию играть на танцах в заводском клубе, и это стало серьёзным подспорьем.

Однако Дмитрий переоценил свои силы, и это едва не привело к трагедии...

Однажды комитет комсомола организовал на городской окраине лыжную вылазку. Вместе с ребятами Дмитрий Гусаров мчался по лыжне и

дурачился на снежных горках. Когда пришла пора идти домой, махнул прямо по снежной целине, надеясь оказаться первым. Сколько таких бросков через лес и таких спусков он проделал в Карелии! На крутом склоне, неподалёку от дороги, бывший партизан не смог отвести лыжи от стремительно летящего навстречу дерева. В какой-то миг раненая нога перестала его слушаться...

Лежащего в глубоком снегу без сознания, истекающего кровью Дмитрия случайно нашёл молодой лесник. Он шёл с обхода совсем другой дорогой, однако так же, как и Гусаров, решил спрямить путь домой...

Лесник был фронтовиком, инвалидом без руки. Одной рукой он дотащил Дмитрия до дороги и на попутной упряжке привёз домой. Послали за сестрой Евгенией. Евгения работала в заводском клубе и сразу же обратилась за помощью к директору завода. Директор попросил срочно приехать знаменитого хирурга Мальгина, который в войну оперировал в местном госпитале.

Даже многое повидавший врач Мальгин удивился тяжёлой травме. От удара о дерево три ребра переломились и их острые концы вонзились в лёгкое...

«Быстро в больницу! – приказал он присутствующим. – И поменьше беспокоить! Несите прямо на матраце...»

Дмитрия уложили в сани, укутали потеплее и пустили лошадь рысью.

Ирбит – городок небольшой. Уже через несколько дней Гусаровым передали, что, вернувшись в свой госпиталь, доктор Мальгин сокрушенно рассказал коллегам-докторам о тяжёлой травме комсомольского активиста из мотозавода и своих опасениях за его жизнь. «Дай Бог, чтобы выжил, – говорил прославленный доктор, – дай Бог! И еще надежда на молодой организм и желание жить...»

Три месяца Дмитрий Гусаров пролежал в больнице. Городские врачи под постоянным присмотром Мальгина поставили его на ноги. Хотя, вероятно, именно эта травма и приведёт к хронической болезни лёгких, сделавшей жизнь Дмитрия Яковлевича Гусарова в Карелии тяжёлым испытанием.

Ну а тогда выздоравливающий комсомолец Дима Гусаров всем сердцем чувствовал приближение нового этапа в жизни, может, самого важного. Он торопил и торопил время. Дмитрий продолжал делать наброски текстов, записывал эпизоды, сценки, мучился над диалогами. По-прежнему много читал классиков, удивляясь, как естественно и просто ложатся у них страница за страницей,

тогда как его текст искусственно-слащавый, а герои будто неживые. Никак не удавалось понять, почему же так? Ведь он так много повидал на войне и пишет о том, что знает лучше других.

Жилось трудно. Как и прежде, выручала гармонь – по субботам и воскресеньям Дмитрий играл на танцах в клубе. Он понимал, что нужно учиться, и окончил 10-й класс вечерней школы – получил аттестат зрелости.

Как часто бывает, толчком к серьезному занятию литературой послужил случай. Однажды вечером Дмитрий вышел за город и побрёл вдоль ограды из колючей проволоки, которой был обнесен орудийный парк артиллерийского училища, эвакуированного из Смоленска. Возле ограды нес караульную службу курсант, которому через месяц-другой предстояло отправиться в войска.

Скучающего часового заинтересовал ровесник, судя по хромоте, уже побывавший на войне и понюхавший пороху. Осторожно, с оглядкой, они обменялись парой фраз – часовому на посту разговаривать не положено. Вскоре завязался разговор. Вчерашний партизан охотно поведал будущему офицеру о лесной войне в Карелии, о походах, боях и друзьях-товарищах. Когда приблизилось время смены караула, Дмитрий Гусаров отошел от ограды и услышал вслед негромкий голос:

«Слушай, партизан! Ты напиши это, обязательно напиши, слышишь?»

«Я не знал фамилии этого парня, – вспоминал Д. Гусаров. – Ведь мы даже не познакомились. Но его взволнованный, умоляющий голос: «Ты напиши это, обязательно напиши!» – много дней не давал мне покоя. Иногда кажется, что я и сейчас слышу его».*

Дмитрий Гусаров засел за работу и уже через несколько дней отправил в Свердловск первый рассказ «Два случая одной жизни» – о партизане Павле Осипове. В то время в Свердловске выходил альманах «Уральский современник», который редактировал известный в СССР писатель-сказочник Павел Петрович Бажов. Ответ пришел на удивление быстро: рассказ принят и будет опубликован в одиннадцатом номере...

Первый успех придал силы и уверенности. Гусаров принимается за повесть о партизанской жизни. Он выкраивает время, запирается в комнатке комитета и пишет по ночам, откликаясь лишь на телефонные звонки.

Весной 1946 года повесть «Под северным сиянием» готова. Дмитрий вносит последнюю правку и отправляет рукопись в Ленинград в издательство «Молодая гвардия». Он уверен в успехе. Ему

кажется, что в его повести пульсирует кровь событий, пережитых им самим и его товарищами...

Однако издательская рецензия оказалась не просто отрицательной, а разгромной. Оправившись от досады и разочарования, Гусаров понимает, что рецензент прав в главном: если собираешься сделать литературу своей профессией, необходимо серьезно её изучать. В 1946 году Дмитрий успешно сдал вступительные экзамены на дневное отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета...

2

ослевоенные сороковые и начало пятидесятых... Было ли время опаснее для вхождения в литературу молодых?

В стране отлажен тотальный контроль за умами. Сформирована целая система жесточайшего прессинга интеллектуальной элиты общества. Сталин лично обновляет им же созданный в 1934 году Союз советских писателей, рассаживая в руководстве людей авторитетных, преданных, способных жестко и бескомпромиссно проводить его линию.

Самый молодой среди писательских функционеров Константин Симонов – яркая звезда военной и послевоенной литературы. Уже на склоне жизни, в последней книге мемуаров Симонов подробно описывает совещания с участием Сталина, на которых обсуждались кандидатуры на Сталинскую премию: как Сталин выглядел, что сказал, как посмотрел... «Хозяин»! Это он определяет, какая книга полезней сегодня и какой писатель достоин награды. Награждение высшей премией – дело политическое, государственное! В этом Союз писателей солировать не может, он только на подпевках:

«...Жили мы тогда в поистине трудное время для человека, занимающегося литературой, пишущего или, как я, редактирующего в те годы «Литературную газету». На протяжении года, двух, трёх всё буквально по нескольку раз могло перевернуться с головы на ноги, с ног на голову...»**

Размышляя об известном постановлении ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», Константин Михайлович пишет, что кампания травли А. Ахма-

^{*} Дюжев Ю.И. Дмитрий Гусаров. Очерк творчества. – Петрозаводск: Карелия, 1984, с.8.

^{**} Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. – М., 1988, с.234.

товой и М. Зощенко была исполнена грубо и озлобленно, тогда как замысел вождя заключался в том, чтобы «прочно взять в руки немножко выпущенную из рук интеллигенцию, пресечь в ней иллюзии, указать ей на ее место в обществе и напомнить, что задачи, поставленные перед ней, будут формулироваться так же ясно и определенно, как они формулировались и раньше, до войны, во время которой задрали хвосты не только некоторые генералы, но и некоторые интеллигенты...»*

Борьба с собственным народом, начатая еще в 1918 году, продолжается. Власть воюет с космополитами, громит редакторов и авторов. Так «надо», так «хозяин» воспитывает страну. Чтобы литератор не сбился с правильного пути, власть не
только расставила колышки, но и наглядно продемонстрировала, что ждет тех, кто возомнил о
себе, решил, будто бы он обладает правом на
собственный взгляд на прошлое, настоящее и будущее СССР.

«Колышки» указывали образцы творческих подходов и освоения материала в злободневных темах того времени: о Гражданской войне – «Чапаев» Фурманова, коллективизации – «Поднятая целина» Шолохова и «Лапти» Замойского, становлении промышленности – «Бруски» Панферова и «Битва в пути» Николаевой, о славных людях Страны Советов – «Кавалер Золотой Звезды» Бабаевского...

Именно эти произведения изучали студенты-филологи, постигая по ним современную литературу, созданную по методу социалистического реализма. Обращались и к классике, но только там, где с очевидностью можно было рассмотреть (или надумать!) борьбу классов, где «маленький человек» оставался один на один с враждебным крепостничеством или иными порождениями царского самодержавия.

Студент Д. Гусаров с головой погружен в учёбу. Он отлично успевает, занимается студенческой научной работой, много работает в комсомольской организации факультета. Дмитрий делает доклад на семинаре по теории литературы на тему: «Крестьянский язык в рассказах И.С.Тургенева «Малиновая вода», «Бирюк», «Льгов». Курсовая работа (третий курс): «Чапаев» Фурманова и партизанские повести 20-х годов». Еще одна курсовая - «Партия и народ в произведениях советской литературы о коллективизации («Лапти» Замойского, «Бруски» Панферова, «Поднятая целина» Шолохова». «...Коллективизация внесла коренной перелом в жизнь деревни, поставила её на совершенно новые, качественно отличные экономические, социальные и культурные основы...» - писал студент Гусаров.

И попробовал бы написать иначе...

...Интересно, вспомнил ли главный редактор журнала «Север» Д. Я. Гусаров студенческие оценки коллективизации, когда 6 февраля 1986 года его сотрудник писатель Станислав Панкратов положил на редакторский стол рукопись романа никому не ведомого крановщика из-под Мурманска Николая Скромного? Роман был о российских крестьянах, раскулаченных, высланных из центральной России в Казахстан.

С пронзительной психологической точностью и правдой бывший детдомовец, родители которого сгинули в такой вот высылке (фамилию свою он получил в детдоме, будучи подобранным без документов), Николай Скромный написал, как люди выживали в условиях смертельного для русской деревни перелома, пытаясь сохранить в себе не только человеческое достоинство, но самоё жизнь...

Написанная на обнаженном нерве, книга, а точнее её первая часть, поразила ко всему привыкшего за 30 лет редакторства в «Севере» Д. Я. Гусарова. Роман Н. А. Скромного в редакции журнала назвали коротко и очень точно: «Перелом».

...Мы не случайно поставили вопрос так: вспомнил ли? Известно, что Гусаров до конца дней обладал великолепной памятью и многое помнил из своей жизни так, как будто это было вчера. Вот пример. На рубеже 70-80-х годов Дмитрий Яковлевич организовал при журнале небольшую литературную студию. Однажды он поставил студийцам творческую задачу – к следующему занятию описать, как старый солдат-инвалид скручивает махорочную цигарку одной рукой.

Меня долго занимал вопрос, почему именно однорукий инвалид? Ответ нашелся, когда прочел первую повесть Д. Я. Гусарова «Плечом к плечу», написанную им во время учёбы в университете. Там такой эпизод есть...

Нетрудно представить, как начинающий литератор, 24-летний студент-филолог маялся с этой сценой... И вот теперь, через 30 лет, умудрённый редактор решил проверить, как справятся с заданием современные молодые писатели...

В университете Гусаров уже не пробует себя в литературе. Он много пишет, испытывая себя в различных жанрах.

...Весна снегами кружится И полнится водой – Бежит, бежит по лужицам Парнишка молодой...

^{*} Там же: с. 110-111.

...Лес молчаливый в завесе тумана, Камни, болота и сопки немые... Знали ли вы, что в душе партизана Жили меж вами мечты золотые...

...Шаг ли мой был неровен, Веры ль в тебя не хватало...

Стихи свои Гусаров никогда не публиковал, если не считать песенок, которые напевал в землянке разведвзвода Саша Рожков, герой его первой повести:

В этой схватке был ранен товарищ, У меня на руках умирал... «Милый друг, адресок ты мой знаешь, Напиши письмецо на Урал... У меня на Урале мамаша, Три сестры и любимый отец, Так да здравствует родина наша...» – С этим словом умолкнул боец.

Стихотворные опыты убеждают: поэзия не для него. Дмитрий Гусаров пробует писать драму. «Недавно ночью. Чуть ли не трагедия в 2-х действиях» – заявлено в подзаголовке. Пьеса навеяна студенческой жизнью, и действуют в ней Аполлон, Венера и другие подобные им герои. Причем Аполлон у автора всего лишь «местный денди» и «бог танцев и балов».

Сюжет «чуть ли не трагедии» исчерпывается авторским четверостишием:

Мальчики ищут золушек – Хрупких девушек с нежным взором. Ищут в толпе и в автобусах, Где надо и где не надо...

И если со стихами Дмитрий Яковлевич окончательно порвал в студенчестве, то драмой продолжал заниматься до начала 80-х годов, в основном перекладывая на драматургическую ткань собственные прозаические произведения.

3

Летом 1948 года семья Гусаровых переехала с Урала под Ленинград, в Любань, где жила тётя Фрося, Ефросинья Михайловна Филиппова. Тётю Фросю Гусаровы называли «наш спасатель» и очень уважали. В её домике из двух комнат стали жить две семьи: тётина из пяти человек и четверо

Гусаровых. Старшая в семье мама Анна Михайловна, ей только 48 лет, но она инвалид, работать не может, и семья живет на её скудную пенсию...

Дмитрий жил в Любани летом. На студенческих каникулах он завершал работу по переделке повести, отвергнутой «Молодой гвардией». Когда работа подошла к концу, выпросил в Любанском сельсовете пишущую машинку, и сестра Евгения помаленьку, как говорят, с грехом пополам, перепечатала текст набело...

Как впоследствии вспоминала сама Евгения, Дмитрий щедро наградил её за работу – в 1953 году передал свою путёвку в писательский дом творчества в Гаграх и снабдил деньгами на дорогу. К тому времени он уже довольно крепко стоял на ногах.

В 1949 году петрозаводский журнал «На рубеже» начал публикацию повести Д. Гусарова, серьезно переработанной и получившей в редакции новое название – «Плечом к плечу». Повесть имела значительный объем, и, начав публикацию в первом номере, журнал продолжил её в третьем, четвертом и пятом номерах.

Всерьез рассматривать первый литературный опыт Гусарова сегодня не имеет смысла. Повесть во многом ученическая, и сам Дмитрий Яковлевич никогда не включал её в списки основных публикаций.

...Заонежская (Заозерная – в повести) деревня Туланда. Колхоз «Ленинский путь». Плакатно правильные герои: деловитый и сосредоточенный секретарь парторганизации Степан Быков, мечтающий о море подросток Ваня – сын председателя колхоза Марии Гореловой, с началом войны ставшей подпольщицей. Мария правильная колхозница, передовик, к тому же, разумеется, лучшая вопленица района. Она даже грустит не иначе как исполняя плач:

Расскажи-ка да поведай, Наш Онегушко...

Таковы и остальные герои – комсомольский секретарь Павел, колхозники Лукич и Анфиса, мысли и разговоры которых заняты только одним – перевыполнением планов, соцсоревнованием, будущим деревни и всей страны...

Как и в большинстве советских произведений конца 40-х, в повести Дмитрия Гусарова реальная жизнь с её прозаической бытовой конкретикой мало занимает героев...

Началась война, и руководство колхоза узнаёт, что финны захватили большую часть полуострова, на котором расположена деревня. Население Туланды, как и всех окрестных деревень, отрезано от материка. Необходимо срочно эвакуироваться, но остался только один путь – через озеро. Мобилизуют лодки, собирают вещи, установили очередь (первыми отправляют семьи красноармейцев, партизан и актива).

Неожиданно в деревню входит батальон красноармейцев под командованием 20-летнего лейтенанта. Батальон отступал с боями от Медвежьегорска и теперь оказался в западне: с трёх сторон вода, с четвертой – части наступающего врага. Мальчишка-лейтенант, в ходе жесточайших боёв всего день-два назад ставший комбатом и измотанный донельзя, пребывает в отчаянии. По моральным соображениям он не может отобрать лодки у колхозников для своих солдат, но и сил, чтобы удержать наступающего врага, у батальона нет...

Руководство колхоза решает уступить лодки солдатам, чтобы в первую очередь эвакуировать батальон. Логика проста: в занятой врагом деревне у стариков, женщин и детей больше шансов остаться в живых, нежели у солдат.

С приходом в Туланду оккупантов события в повести развиваются своим чередом. Колхозники выживают в условиях оккупации, тоскуя по советским временам («Охота бы получить, как раньше, газетное наше слово! И не одной мне. Всем!»). Подпольщики противодействуют изощренной пропаганде новых властей, встречаются и обмениваются информацией. Партизаны совершают удачные атаки на финнов...

При том, что характерные особенности советского литературного произведения у Д. Гусарова присутствуют в полной мере, повесть выгодно отличалась от того, что печаталось в ту пору в журнале «На рубеже». Вероятно, причиной тому стало стремление показать события глазами подростков, неразлучных друзей Вани и Стёпки. Восемь из тринадцати глав повествуют об их приключениях. Мальчишки ловко дурачат оккупантов, умело собирают информацию, подают сигналы нашим, устанавливают связь с партизанами...

В первую повесть Д. Я. Гусаров ввел действующих лиц, с которыми не расстанется на протяжении всей писательской жизни. Он впервые показал энергичного, нестандартно мыслящего партизанского командира Лопахина, списанного с реального Михаила Васильевича Лопаткина, заонежанина, громившего финские гарнизоны в Заонежье. Сквозной лирической линией он сделал личные взаимоотношения разведчика Андрея Полещука и медсестры Валентины Канаевой. Герой разведчик гибнет и воскресает, его возлюбленная

получает ранение и становится политруком диверсионной группы...

Так события происходят в первой повести Д.Гусарова. В реально существовавшем партизанском отряде «Боевые друзья» всем была известна любовь Вали Канаевой и комвзвода разведки Андрея Полевика. Андрей погиб, прикрывая отход товарищей...

Обстоятельства гибели Полевика, свидетелей которого среди товарищей не оказалось, стали предметом особого поиска Гусарова, который он вел всю жизнь. А медсестру Валю ранило в том же бою под деревней Конда, в котором получил ранение сам Гусаров. После войны они дружили, часто встречались (В. И. Канаева живет в Подпорожье Ленинградской области) и переписывались, поддерживая друг друга добрым участием и советами.*

4

В 1951 году Дмитрий Гусаров успешно защитил дипломную работу о творческом пути популярнейшего в то время писателя С.П. Бабаевского. Как ко всякому делу, за которое он брался, к дипломной работе студент Гусаров подошел со всей основательностью. Он затеял переписку с Семеном Петровичем, задал целый ряд уточняющих вопросов, получил от него собственноручно написанную биографию. И в работе не уклонился от критики неудачной, по его мнению, книги Бабаевского «Гусиный остров».

...У нас нет желания осуждать или оправдывать дипломника филологического факультета ЛГУ Д.Гусарова. Он жил в общественно-политических реалиях, существо которых мы сегодня представляем лишь отчасти. Да никому это теперь и не нужно. Нам важно отметить, как, пройдя тогдашнюю литературоведческую школу, Гусаров использовал приёмы, которые были тогда в ходу и эффективность которых он вскоре смог ощутить на себе самом. Гусаров критикует Бабаевского не за то, что в его повести есть, а за то, чего там нет, но, как он считает, должно быть. У Бабаевского и

Валентина Ивановна Канаева родилась 20 ноября 1923 года. Великую Отечественную войну встретила медработником фельдшерского пункта приграничного села Вешкелицы Суоярвского района. Потом воевала в Пряжинском истребительном батальоне и в партизанском отряде «Боевые друзья». В боях была несколько раз ранена. Скончалась В. И. Канаева в Подпорожье 12 июня 2012 года.

деревня «неправильная», и герои не такие, каких ждёт советский читатель, и отсутствует социалистический оптимизм...

Студент обрушивается с критикой и на тех, кто захваливает книгу Бабаевского, и в частности Г.Бравермана. Однако главная беда Бравермана не столько в том, что он хвалит Бабаевского. Браверман попал в список «безродных космополитов», травля которых инициирована Кремлем. Ну а раз в списке, то не важно, что он там написал. Тут уж виноват во всём...

«В течение многих лет... подвизался в Литературном институте ССП СССР им. Горького в должности заведующего кафедрой...», «...прививал студентам на своих семинарах буржуазно-эстетические взгляды на литературу и искусство, облыжно охаивая лучшие произведения советских писателей».

И так далее, и тому подобное...

Научный руководитель дипломной работы Е.И.Наумов поддержал Д. Гусарова, и защита прошла на «ура».

Еще до государственных экзаменов Д. Гусаров написал письмо в писательскую организацию Карело-Финской ССР с просьбой ходатайствовать о его распределении для работы в Петрозаводск. Решение это было обдуманное и давно выношенное.

«Вчера прибыл в Любань...Было как-то скучно, тоскливо и совсем не радостно, что я уже на 5 курсе, что завтра смогу сесть за переделку своей повести, что завтра мне уже не нужно будет с утра думать об обеде...

Направился в «публичку», сидел там два часа, изучая карту Карело-Финской ССР. Когда я увидел знакомые названия деревень, знакомые просеки и озера, горы и дороги, какие-то трепетные невыразимо живые воспоминания охватили меня.

Стало отчего-то грустно...

На один миг я представил себя, согнутого под тяжестью вещмешка и обливающегося потом в змейке таких же уставших своих боевых товарищей-партизан, дорогих мне карельских друзей, о которых я так мало и так по-свински непростительно мало знаю, – и мне стало невыносимо тяжело...»

Это запись в дневнике от 2 июня 1950 года.

В Карелии молодого автора уже хорошо знали, и руководитель писательской организации Антти Николаевич Тимонен откликнулся одобрительным письмом. Он сообщил, что вопросами его трудоустройства займётся министр просвещения республики И. С. Беляев.

Вмае 1951 года Гусаров отправился в Петрозаводск для более подробного знакомства с республикой и литературной средой. Формальным поводом стало участие во II республиканском совещании молодых писателей. На заседаниях, в бурных кулуарных обсуждениях литературных событий он знакомится с такими же подающими надежды литераторами: Робертом Рождественским, Владимиром Морозовым, Алексеем Авдышевым, Георгием Кикиновым, Маратом Тарасовым...

В Карелии ему понравилось...

Быстро развивающаяся союзная республика, растущая писательская организация, собственный литературный журнал «На рубеже». Всё в движении, всё впереди, и есть к чему приложить руки и сердце. Но и из Ленинграда Гусарова отпускать не хотят.

Отлично успевающий студент, член бюро, а затем и секретарь комсомольской организации факультета, руководитель комсомольского отдела факультетской стенгазеты, Гусаров получил диплом филолога-литературоведа. А с дипломом и предложение профессора М. О. Скрипиля остаться в университете на кафедре древнерусской литературы. Профессор обнаружил в Дмитрии основательность, любовь к первоисточнику и стремление во всём докопаться до корней. Отмечая эти задатки исследователя, Скрипиль сулил вчерашнему студенту прекрасные перспективы в науке.

Гусаров оказался на распутье...

С одной стороны – Ленинград, консервативная университетская среда, изначально запрограммированная стабильность и неочевидные карьерные перспективы. С другой – Карелия, где всё внове, всё неизвестно и волнует молодую, уже забродившую творчеством кровь.

...Как совсем недавно в партизанском походе лыжник, что торит след по свежевыпавшему снегу. Впереди лес, и что ждет его там – спасительное укрытие, тепло долгожданного костра или беда вражеской засады, – неизвестно...

Он советуется с архангелогородцем, таким же вчерашним студентом, а теперь преподавателем и будущим популярным советским писателем Ф.Абрамовым*, с которым хорошо знаком по об-

Ф. А. Абрамов на 4 года старше Д.Я. Гусарова, и на фронт он ушел со 2 курса. После окончания остался в университете, защитил диссертацию по творчеству М.Шолохова и до 1960 года заведовал кафедрой, не оставив, впрочем, сколько-нибудь заметного следа в науке.

щественной работе, – Фёдор Александрович был членом факультетского парткома и писал первый роман «Братья и сестры». Супруга Ф. Абрамова Л. Крутикова-Абрамова вспоминала, как однажды, уединившись за дальним столиком академической столовой, Дмитрий читал Федору одну из глав первой повести. * Лидия Крутикова училась вместе с Абрамовым и хорошо знала Дмитрия и Терезу. Она выпускница все того же филфака ЛГУ.

Дмитрий просит совета и у декана факультета Г. П. Бердникова...

Однако при этом понимает: что бы они ни посоветовали, судьбу строить придётся самому. С Карелией его накрепко связала война и первая повесть, отнявшая немало сил, и работу над которой он не прекращает всё это время. В недлинной еще жизни Гусарова северная республика значит очень многое:

«...Знакомые названия деревень, знакомые просеки и озера, горы и дороги», рождающие «трепетные, невыразимо живые воспоминания...»

И Гусаров уезжает в Карелию...

6

Мы уже упоминали, что первая повесть Д. Гусарова «Плечом к плечу» была встречена коллегами и критикой хорошо. После нескольких одобрительных рецензий в местных газетах автора поддержали и маститые критики. Журнал «Звезда» опубликовал статью ленинградского критика А. Лаврентьевой-Кривошеевой «О журнале «На рубеже» (1949, №8). Она высоко оценила первое произведение молодого автора: «Д.Гусаров выступает в литературе с произведением обещающим и свежим...»

Повышенное и вполне понятное внимание петрозаводского литературного журнала к произведению о войне, созданному на карельском материале, только одним фактом публикации в четырех (!!!) номерах придавало повести молодого автора статус главного литературного события года.

7 сентября 1949 года Дмитрия Гусарова приняли кандидатом в члены Союза советских писателей. Принимали на заседании правления ССП Карело-Финской ССР, руководил которым А. Н. Тимонен. Хвалили за повесть, получившую высокие оценки писателей, а также хорошие отзывы на недавней читательской конференции, одобрительно отнеслись к желанию автора писать продолжение.

Минуло ровно две недели.

21 сентября 1949 года грянул гром...

Газета «Культура и жизнь» (№26) опубликовала статью А. Колоскова «Журнал, отставший от жизни». Редакцию журнала А. Колосков обвинил в том, что она «не помогла молодому начинающему писателю в создании полноценного художественного произведения». Неполноценность повести, по мнению автора, заключалась в том, что в ней не показана роль партии в руководстве партизанским движением, герои обрисованы бледно и схематично, а отдельные эпизоды и вовсе фальшивы и неправдоподобны.

Никакого разбора повести Колосков не предложил, но... По существовавшим в ту пору неписаным правилам подобная статья в центральной газете, «органе Отдела пропаганды и агитации ЦК РКП(б)», означала следующее: Москва дала команду «фас!». Остальное обязаны были сделать на месте.

На месте тотчас взяли под козырёк...

Уже в № 9 сам журнал «На рубеже» дважды критически обращается к повести «Плечом к плечу»: в редакционной статье «Не отстать от жизни» и в статье И. Цветкова «За дальнейший подъем карело-финской литературы». Но критики никакой нет, идёт переталдычивание московской газеты: в произведении нет партийного руководства, герои «слабо индивидуализированы», а богатый внутренний мир колхозников не раскрыт...

Дмитрий Гусаров раз за разом вчитывался в газетные страницы, пытаясь понять свои ошибки. Скоро он понял, что критики бьют его точно по таким же правилам, по каким совсем недавно массированно били роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Неожиданно это придало сил и уверенности: «Ну, раз поступают так с самим Фадеевым...»

Дмитрий написал в адрес «Культуры и жизни» задиристое письмо с просьбой разъяснить существо претензий к повести. Газета не сочла нужным полемизировать со студентом, пытающимся стать писателем. Гусаров получил коротенький ответ, что разъяснения ему дадут в Союзе писателей Карело-Финской ССР.

...Позже он признается, что в те черные для него дни он очень надеялся на К. М. Симонова. Почему-то ему казалось, что знаменитый писатель, секретарь ССП и фронтовик, не раз бывавший на Карельском фронте, прочитает повесть бывшего партизана и непременно защитит его от несправедливых обвинений...

Т

НА РК Ф.470, оп.1, д.94, л.2.

7

Ожидание это, ни на чём не основанное и скорее мальчишеское, тогда, в начале 50-х, закончилось разочарованием. Однако через много лет оно же привело к тесному товарищескому знакомству двух писателей-фронтовиков. И Симонов «исправился». Он действительно помог Гусарову теплыми и мужественными словами одобрения и поддержки в очень тяжелый для него период выхода из затяжной болезни...

Однако это произошло летом 1970 года. А в 1949 году круговорот событий вокруг молодого писателя Дмитрия Гусарова, запущенный тяжелой рукой А. Колоскова, разворачивался по установленному сценарию. На голову Гусарова обильно посыпались «разъяснения», которых он нахально потребовал от «органа ЦК».

Переменил оценку и председатель правления писательского союза А. Н. Тимонен. 24-25 января 1950 года Антти Николаевич публично каялся на III пленуме ЦК КФССР:

«Журнал опубликовал незрелую повесть Гусарова «Плечом к плечу». Эта повесть обсуждалась в писательской организации республики, и мы считали эту повесть чуть ли не выдающимся достижением нашей карельской литературы и поторопились принять автора в Союз писателей. Мы скоро убедились, но не сами, а с помощью газеты «Культура и жизнь», что повесть эта явно неудачная»*.

Вот такой занятный кульбит...

Целая писательская организация считала так, а один-единственный и никому не ведомый автор посчитал иначе. Но автор автором, а газета-то – «орган...»

К слову сказать, на том пленуме ЦК каялись все без исключения. На нём снимали с должности первого секретаря ЦК, всемогущего генерала Г.Н. Куприянова. После пленума Куприянов провел на свободе только полтора месяца, был арестован и 6 лет провёл в воркутинских лагерях НКВД. Ни бранить, ни высмеивать карельских писателей послевоенной поры я не берусь – язык не поворачивается. Сегодня это легко. А тогда в полутчики Куприянову до Воркуты не хотел никто...

Но как бы там ни было с писательскими мнениями, но кандидатский билет за № 1554 Д. Гусарову выслали прямо в университет. Произошло это 25 ноября 1949 года.**

К слову, заполняя анкету для приёма в Союз писателей 26 июля 1949 года, Дмитрий Яковлевич Гусаров упомянул о лёгком ранении, полученном им в 1943 году. Никогда и нигде более об этом ранении он не упоминал.

12 ноября 1949 года в Петрозаводске состоялось заседание секции критики Союза писателей Карело-Финской ССР. С докладом выступил критик Вл. Новицкий, полностью посвятив его повести Д. Гусарова. Доклад – 21 страница плотного машинописного текста, исполненного изощрённой партийной демагогии.

Повесть уничтожена...

Автор растоптан...

Трудно сказать, что спасло тогда Д. Гусарова. Молодость, наверное...

Критический разбор Вл. Новицкий начал с самого начала. Повествование Д. Гусарова открывается безобидной лирической картиной пробуждения подростка Вани:

«Каждое утро, как только Ваня открывал глаза, он видел в распахнутое настежь окно крышу соседского сарая и кусочек ясно-голубого неба. По крыше пролегла полоска тени от стоящего невдалеке телефонного столба. По ней Ваня безошибочно угадывал время. Если тень была перпендикулярна «коньку» крыши – значит, семь утра...»

Это ложь на советскую деревню! – заявил критик. «Культура деревни у Гусарова показана так низко, что Ваня Горелов определяет время по солнцу», тогда как «в каждой колхозной избе есть часы...»

Выводя читателя к месту действия повести, Д.Гусаров бегло показывает деревню Туланду: арка с надписью, фасады изб вдоль залива...

Это чудовищная ошибка! – пишет критик. Автор «не показал глубинную сущность успешного колхозного хозяйства и благополучной жизни советского села, отделался внешними приметами...»

Иными словами, не похвастал богатой и зажиточной жизнью, счастливо дарованной крестьянам далёкой северной деревни горячо любимой партией и советским строем. Как это сделано, скажем, в известном фильме «Кубанские казаки» или в многочисленных других, похожих...

Персонажи повести вспоминают эпизоды и события довоенной жизни – те, что запомнились в счастливые минуты: девушка-радистка – студенческий бал, пионеры – походы и костры с друзьями, бывший колхозный руководитель, а теперь комиссар – качественный строевой лес, заготовленный для нового скотного двора...

^{*} Цит. по: Гордиенко А. А. Куприянов и его время. – Петрозаводск, 2010, с.345.

НА РК, Р-2923, оп.4, ед.хр. 4. л.1.

По мнению Вл. Новицкого, это не иначе как поклёп на советских крестьян. Он заявляет:

«Нет, обеднил образы советских людей, их духовный мир Гусаров, лишив героев своей повести воспоминаний об оставленном очаге, о родном колхозе, о друзьях. Без всего этого образ социалистической Родины становится общим, отвлеченным понятием...»

Но это только цветочки! Ягодки, как говорится, впереди...

«Совершенно неправдоподобной и фальшивой», написанной словно «в кривом зеркале», называет критик сцену входа в деревню батальона красноармейцев во главе с растерявшимся комбатом, оказавшемся, по сути дела, в западне. Почему? Потому что советские офицеры воспитаны партией и никогда не теряются, вот и всё!

«История говорит, – сообщил Вл. Новицкий, – что в действительности советские войны прежде всего старались обеспечить эвакуацию женщин и детей».

Вероятно, история сказала это одному только Новицкому...

Но автор сам участник войны, как тут быть? Критик это сознает. Он соглашается, что, может быть, кое-где так и было, но Гусаров-то писатель! И развивает известную мысль, вовремя подсказанную Горьким таким вот новицким, что факт в литературе всего лишь «неощипанная курица» и для приготовления достойного кушанья, то есть настоящего художественного произведения, он не годится.

«...Поклонение перед фактом ведёт именно к тому, что у нас смешивают случайное и несущественное с коренным и типическим», – заключает критик. Иначе говоря, батальон красноармейцев во главе с мальчишкой-лейтенантом, оказавшийся по вине командования в безвыходной ситуации, – это случайное и несущественное. А типическое и коренное – это «советские войны прежде всего старались обеспечить...»

Один из героев повести, говоря о бывшем кулаке Силантьеве, неосторожно бросил реплику, мол, «у нас почти в каждой деревне силантьевы находятся...».

Критик возмущен: Гусаров «клевещет на всех советских людей».

Вл. Новицкий обвиняет автора повести «Плечом к плечу» в том, что «шаблонно и без любви» показал партийных работников. Такие, как Гусаров, «игнорируют законное требование народа», которое состоит в том, чтобы писатели «талантливо и вдохновенно» показывали «организаторское искусство и тяжелый будничный труд руково-

дителей большевистского подполья и партизанской борьбы в Карелии».

Особенно умилительно здесь «законное требование народа»...

Новицкий крепко поймал автора и в следующей сцене повести.

...Ночь. Сильная метель. Разведвзвод уходит в рейд к вражескому берегу. Нужно спешить, чтобы до рассвета успеть перейти почти многокилометровое ледяное пространство. Короткое прощание, и фигуры партизан скрываются в снежной круговерти...

Однако через несколько минут прибегает радист. Получена шифрограмма с приказом Верховного Главнокомандующего. Наши войска под Сталинградом одержали победу!

«Эх, разведчикам бы сообщить эту радостную новость! – сетует один из командиров. – Но уже не догнать! Да и задерживать их нельзя!»

Критик возмущен авторским произволом...

Почему не догнать! Почему нельзя! Да вы понимаете, чья это шифрограмма! Безобразие!!!

Конечно, сам Новицкий задержал бы партизан на получасовую политбеседу, чтобы потом пойти отсыпаться в теплую землянку, а разведчиков при свете дня на голом льду подставить под финские пулеметы...

Критик завершил убийственный разбор повести так, как и должен был завершить в соответствии с жанром, – обобщением. Он заявляет: плохо у Гусарова показано всё: и социалистическая деревня, и колхоз, и крестьяне, и красноармейцы, и комиссары. Как же у него с главным, ради чего советские писатели вообще должны садиться за стол? Иными словами – «ощущается ли в произведении образ партии?» И сам себе отвечает: «Почти нет! Ибо в повести нет главного, что создает этот образ, – партийной организации».

В виде большой статьи журнал «На рубеже» опубликовал доклад Вл. Новицкого в №11 за 1949 год. Перепевы из него под разными заголовками опубликовали республиканские газеты. К слову, досталось и ленинградскому критику А. Лаврентьевой-Кривошеевой из журнала «Звезда»:

«Пора развеять литературно-критический фимиам, который усердно воскуривают отнюдь не в пользу молодым писателям не в меру услужливые рецензенты и редакторы», – строго указал Новицкий.

О развернутой против молодого писателя кампании мы рассказываем столь подробно только с одной целью. Мы хотим показать, в какой обстановке приходилось входить в литературу послевоенному поколению литераторов. Ведь Д.Я.Гусаров был далеко не одинок в роли «воспитываемого партией». И далеко не все выдерживали подобные удары. Отмеченному талантом автору оставалось молчать, либо сочинять лакировочные поделки про «образ партии», глуша совесть водкой, либо до поры рисковать, умело маскируя свои мысли. Мы посмотрим, какой путь избрал для себя автор повести «Плечом к плечу».

8

Овсем нетрудно представить себе состояние Д.Я. Гусарова в конце 1949-го и в 1950 году. Он еще студент-старшекурсник! Спасала его только учёба, да еще мама с сёстрами. Правда, была еще одна сокурсница, на которую он всецело мог положиться...

Активная комсомолка и общественница с филфака Тереза Рафаиловна Рыфф училась на одном курсе с Дмитрием. Они поженились сразу по окончании университета. Женитьбу отметили обычным обедом у родителей невесты, пригласив только самую близкую родню и товарищей – вчерашних студентов...

Так образовался этот семейный союз, сохранившийся до самых последних дней...

Прохладным утром 15 августа 1951 года Дмитрий Гусаров приехал в Петрозаводск. Он пока один. Молодая жена Тереза осталась у родителей в Ленинграде. Приезжать ей пока было некуда.

Трудоустройством молодого выпускника ЛГУ занимается министр просвещения Карелии И.С.Беляев. Иван Степанович написал письмо в университетскую комиссию по распределению, обещал квалифицированную работу и жильё. Однако позже республиканские власти решили «прописать» филолога-литературоведа Гусарова по писательскому ведомству. Нужно укреплять литературный журнал «На рубеже». Журнал выходит без малого десять лет, но остаётся невзрачным, мелкотемным и оттого малоинтересным.

Уже с августа Д. Я. Гусаров начинает работу в редакции журнала, ведет отдел критики и публицистики. 5 марта 1952 года молодого сотрудника вводят в состав редакционной коллегии, а с января 1953-го поручают главное подразделение журнала – отдел прозы.

К весне 1952 года Гусаров обретает и собственное жильё. Крохотная, донельзя запущенная квартирка под номером два в деревянном доме на улице Ленина, 42 становится его первым отдельным жилищем. «Радость! – запи-

шет он в дневнике. – Ремонт скорый и веселый... В апреле всё готово – своя квартира!!!»

Жена Тереза – стройная, с выразительными строгими глазами, преподаёт в вечерней школе №8. Зарплата у него и у неё чрезвычайно мала, и денег хронически не хватает. Гусаров подрабатывает, ведёт курс советской литературы для заочников Учительского института. Лекции в институте читают также Р. Н. Миролюбова, М. В. Теплицкая и еще один совместитель – М. М. Гин. У совместителей ставки ниже: Гину платят за час 25 рублей (он кандидат наук), а Гусарову только 20...

Однако главным делом, занимающим все чувства и время, остается литература. Гусаров переделывает и переделывает свою повесть «Плечом к плечу», без радости отмечая, как она обрастает новыми поворотами сюжетных линий и увеличивается в объёме. И без того немалая (32 главы!), повесть неуклонно превращалась в роман. При этом его по-прежнему угнетает качество текста:

«...Положение с повестью чертовски трудное. Работал две недели, если вычесть выходные дни, а сделал...»

Но работу он не оставляет:

«Мне захотелось рассказать обо всём... пережитом в годы войны не так, как сделал я несколько лет назад. И мне стало в три раза тяжелее от сознания своего бессилия сделать это так, как хотелось бы...»

Весной 1952 года Тереза Рафаиловна уехала в Ленинград к родителям, а в мае Дмитрий Яковлевич получил радостную телеграмму: родилась дочь Наталья...

В эти месяцы, чрезвычайно для него тяжелые, он тщетно пытается переделать повесть, спасти её для последующего издания книгой. Но всё более и более смирялся с мыслью, что усилия его тщетны. Он понимал, что во многом работу придётся проделать заново...

«Вообще, я убедился и убеждаюсь снова и снова, что «латать» произведения нельзя, особенно по чужому рецепту», – записал Д. Я. Гусаров в те месяцы.

Первая книга романа «Боевой призыв», созданная на основе повести, вышла в Карелии отдельным изданием в 1953 году. Вторую книгу романа журнал «На рубеже» опубликовал только через три года, в 1956 году (№ 3,4). Через пять лет, в 1961 году, роман вышел в Петрозаводске в полном виде двумя книгами.

Работа над этим произведением заняла десять лет...

В романе «Боевой призыв» читатель встретил героев, знакомых по повести «Плечом к плечу», узнаваемыми были география и некоторые ситуации. В этом произведении Дмитрий Яковлевич впервые затронул темы, которые станут главными в его творчестве.

В работе над романом к нему стало приходить сомнение, что беллетристика – его путь. Дмитрий Яковлевич гнал эти сомнения. Он уже почувствовал ощущение неторопливого и раздумчивого романного пространства, томился его тягой. Однако стал понимать и другое. Художественные произведения о войне ли, крестьянской деревне или о послевоенном строительстве, в которых разного пошиба новицкие станут выискивать «образы партии» и подозревать в «недостаточности покапартийного руководства, могут, конечно, за» обеспечить награды и славу, но едва ли принесут творческое удовлетворение. В то время как в литературе, основанной на явлениях и фактах реальной жизни, отношения автора с «неощипанной курицей» всегда более прямые и честные...

И в начале творческого пути Д. Гусарова влекли темы конкретные, проблемы, которые можно «потрогать руками». Например, осенью 1951 года он сообщал коллегам о планах написать повесть о практике превращения рыболовецких колхозов Заонежья в многоотраслевые хозяйства. Для этого намеревался объехать с творческой командировкой рыболовецкие колхозы Заонежья, Беломорья и Олонецкого района.

9

Сам Д. Гусаров хорошо осознавал мнимую ценность замечаний, щедро выданных новицкими и колосковыми. Черновые записи той поры пестрят его язвительными замечаниями на этот счёт...

Но что он мог поделать? Существовавшая в те годы практика была такова, что издательство принимало рукопись автора только после положительной рекомендации Союза писателей. Союз писателей в свою очередь ставил визу лишь после обсуждения на заседании профильной секции. А новицкие помнили, кого и за что они критиковали...

Д.Я. Гусаров широко запустил в переписанный роман партийных секретарей и комиссаров. В отличие от повести, в «Боевом призыве» ничего не диктуется естественным ходом событий и не происходит по желанию самих крестьян, партизан или подпольщиков. Жизнь здесь течёт исклю-

чительно «по поручению» – ЦК партии, секретаря подпольного райкома, комиссара...

Длинные, сусально-душевные и пустые беседы политруководителей по любому поводу вызывают скуку и отторжение...

Не думаю, что причиной тому стала малоопытность автора. В конце 70-х мне пришлось тесно сотрудничать с Дмитрием Яковлевичем при работе над книгой по истории партизанского отряда «Боевые друзья», в составе которого он воевал. Хорошо помню его нелицеприятные высказывания в адрес комиссаров, зачастую сводивших всю свою деятельность к выпуску «боевых листков» и проведению бесконечных и невразумительных политбесед.

Звенящая пустота ощущается не только за отдельными строками романа, но даже за целыми страницами. Вот, к примеру, беседа командира отряда Лопахина и комиссара Рыбакова. Тема чрезвычайно важная: командира очень беспокоит реальная эффективность партизанской войны в Карелии в той форме, в которую её направляют штабные.

Лопахин горячится:

«Двести верст туда, двести обратно. Пешком. По нехоженым тропам. С этими... тремя с половиной пудами за спиной. И лишь затем, чтобы взорвать несколько мостов на шоссейке, которые через неделю-две восстановят. Ну, при удаче сожжем мы несколько машин... и еще там что-либо. Семьдесят человек в итоге сделают за месяц то, что, скажем, на юге несколько хороших диверсантов за неделю...»

Что же отвечает ему комиссар Рыбаков?

«Большевик в любых условиях должен быть большевиком. Для этого ему дана диалектика...»

В романе Гусаров, по существу, развенчивает официальный миф, на котором держалась вся антикрестьянская, антирусская кампания по раскулачиванию в деревне...

Одного из главных героев, студента Кораблестроительного института Федора Шкипина, он «легализует» в деревне с помощью маловероятной истории. Незадолго до приезда с лекцией в деревню Тимицы местные кулаки убивают избача, и Федор решает остаться, чтобы заменить бойца идеологического фронта, героически павшего в борьбе за советскую власть.

Надуманность истории налицо. Избач, то есть заведующий клубом, меньше всего походил на борца за установление и упрочение советской власти. В его задачу входило закрывать и открывать клуб, переделанный из бывшей избы. Даже радио в нём не было. С началом войны принимать

сводки Совинформбюро ходили в колхозное правление. Не был он ни председателем колхоза, ни секретарем партячейки, не обладал никакой реальной властью, а потому никакой угрозы ни для кого не представлял. Убийство избача абсолютно бессмысленно и ничего в деревне не решало...

Черту в кулацкой теме Д.Я. Гусаров подвёл в завершение романа. В 16-й главе второй книги («Скрытая борьба») он рассказывает, как партизаны разоблачили предателя, бывшего милиционера Семена Лакаева, засланного финнами в деревню под видом подпольщика. Лакаев бесчинствовал во время раскулачивания в 1932 году и незаконно пытался выслать мельника Кондратьевича: «Должны быть, говорит, у вас в Тимицах кулаки, раз дело с колхозом не идёт, а кроме тебя некому...»

Вот и вся кулацкая история в СССР: вредителей нету, но «должны быть»...

Критики потребовали от автора показать, что партизанская борьба умело и продуманно организуется, а не совершается сама собой. Ведь есть же штаб и мудрые генералы. Гусаров показал. И демонстрация получилась не менее убедительная, чем в истории с кулаками в далёкой северной деревне Тимицы...

...После ранения медсестру Валю Коневу вызвали в штаб партизанского движения в Беломорск за новым назначением. Девушку решено направить в диверсионную группу Подхолмного в качестве бойца и политрука.

В штабе Валю встречает генерал Шелестов. Усадив медсестру в своем кабинете, генерал на шести с половиной страницах душевно вещает ей о стратегических и тактических тонкостях партизанской войны в Карелии:

«...Некоторые еще не понимают, что задачи и тактика партизанской борьбы непосредственно вытекают из общих стратегических задач фронта....»

Лубочную фальшивость сцены в штабе писатель усугубляет концовкой:

«Когда Валя направилась к двери, генералу показалось, что они не поговорили о чем-то важном. К встрече с Коневой он готовился не меньше, чем к разговору с каким-либо другим командиром».

...Вы хотели мудрого и человечного руководителя, готового не только понять душу, но и доходчивого рассказать о задачах партизан фронта даже взводной медсестре, говорит автор критикам. Так нате вам!

«Умный поймёт, а дурак не догадается...»

Именно эту поговорку привёл, как мы помним, маршал Г.К. Жуков, когда рецензенты велели вставить в мемуары выдуманную сцену, будто бы во время планирования боевой операции на юге

он заезжал к начальнику политотдела полковнику Брежневу «посоветоваться». Маршалу объявили, что без этой сцены мемуары не выйдут в свет никогда. Жуков вынужден был согласиться, хорошо сознавая комичность ситуации...

Чтобы завершить тему, вспоминаю рассказ уже не романной, а реальной медсестры партизанского отряда «Вперед» Натальи Никитичны Пастушенко (Сидоровой). Так же, как героиня романа Гусарова, она с подругой-медсестрой оказалась в штабе и нечаянно встретилась с генералом. Вот что из этой встречи получилось:

«...Нас посадили в какую-то комнатку, сидим, пишем заявки – какие лекарства нам нужны. Вдруг дверь открывается и входит начальник штаба Вершинин. Увидел нас, спрашивает:

– А вы кто такие? Что тут делаете?

Мы с Шурой отвечаем:

 Из отряда приехали, лекарства получать. Пишем вот заявки, – и продолжаем писать.

Вершинин разозлился:

– Встать, когда с комбригом разговариваете!»* Вот и вся генеральская душевность...

Понятно, что этот реальный факт всего лишь «неощипанная курица». Типическим и, следовательно, пригодным для литературного произведения, созданного по методу социалистического реализма, он не годится...

Дорабатывая роман, Дмитрий Яковлевич сумел преодолеть себя и не поддался на изменения ткани повествования там, где от него требовали откровенной фальши. Такова сцена с молоденьким лейтенантом. Если в повести этот растерянный мальчишка говорил «срывающимся, хриплым голосом, горячо и торопливо», то в романе «голос его ни разу не сорвался и не повысился». Чувствуя, что образ вышел непробиваемо-нереальным и, откровенно говоря, ложным, Гусаров при подготовке романа к изданию в 1966 году смягчил его, придав воспаленным глазам юного комбата «тревогу и немой вопрос».

Не поднялась писательская рука и на то, чтобы вернуть ушедшую в ночную метель разведгруппу. Разведчики в ту ночь так и не узнали о приказе Верховного Главнокомандующего, что, впрочем, не помешало им выполнить свою боевую работу...

Нетрудно понять настроение Дмитрия Яковлевича, когда зимой 1977 года издательство пред-

Гнетнев К. В. Тайны лесной войны: партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах, – Петрозаводск, 2007, с. 93.

ложило переиздать «Боевой призыв» в очередной раз. «Не надо было мне переиздавать без коренной переработки эту книгу... Читать иногда стыдно самому...»

10

25 марта 1954 года Дмитрий Яковлевич Гусаров назначен ответственным редактором литературного журнала «На рубеже».

Дела в редакции к тому времени шли неважно. Журнал задыхался в тесных рамках немногочисленной писательской организации республики. Летом в Петрозаводск нагрянула специальная комиссия Союза писателей СССР в составе М.Дудина, А. Карцева и М. Шкерина. Комиссия прибыла с поручением разобраться, способна ли республика и писательская организация самостоятельно справиться с журналом? Если нет, журнал будет преобразован в альманах...

Гусаров молод и полон сил. Он уверен, что справится. Три неполных года работы в штате журнала в качестве заведующего отделом критики, публицистики и библиографии, а затем и заведующего отделом прозы и члена редакционной коллегии дали возможность пройти неплохую редакторскую школу. Выход к читателю первой книги романа «Боевой призыв» показал, что карельская писательская организация приобрела не только хорошего редактора. В Петрозаводске набирает силы перспективный писатель...

В середине 50-х он продолжает пробовать себя и в драматургии. После завершения романа «Боевой призыв» Дмитрий Яковлевич пытается иными художественными средствами выразить мысль, которую он выносил во время работы над образом старого колхозника Лукича...

...Андрея Лукича Юдина советские подпольщики убедили на сотрудничество с финскими оккупантами. Чтобы знать планы врага и помогать партизанам и подпольщикам, он принял должность старосты деревни Туланда. Честный и совестливый старик ловко имитирует сотрудничество. О его тайной работе не знают односельчане. Они и не должны знать...

Лукич чувствует, как вокруг него с каждым днём нарастает отчуждение. Подобное отчуждение и даже озлобление односельчан испытывает и бывший председатель колхоза, а теперь подпольщица Мария Горелова. Старая колхозница и соседка Анфиса догадывается о подпольной работе Марии и в сердцах выговаривает ей: «Обижаете вы нас, веры нет к нам. Уж мы ли вам не верим!»

Не сумевший справиться с двусмысленностью своего положения, измученный совестью, Лукич решается на гибельный поступок. Он принимает предложение финских властей выступить по радио и, обращаясь к односельчанам из радиостудии, отчаянно кричит в микрофон: «Не верьте! Мы не такие...»

Старик Лукич не знал, что оккупанты обманули в очередной раз. Выступление старосты не передавалось в прямом эфире, как было обещано, а записывалось на магнитофон...

Развитие темы трагического положения подпольщиков, страха и совести Гусаров продолжил в пьесе, которую написал совместно с Н. Макеевым и именно так и назвал: «Страх и совесть».

Мысль о необходимости изменить представление о «цене человеку», повсеместно распространившееся в стране до XX съезда партии, Гусаров впервые попробовал творчески реализовать в пьесе «Не место красит человека»...

Очередную попытку создать драматическое произведение, что называется, «по мотивам» Гусаров предпринял после выхода главной своей книги романа-хроники «За чертой милосердия». Спектакль по пьесе Гусарова с успехом шел в Петрозаводске несколько лет...

Вместе с тем приходится признать, что попытки прозаика развить найденные темы и идеи в иной художественной форме не вполне удались. Век драматических произведений Д. Я. Гусарова оказался многократно короче, нежели у его романов и повестей. Едва ли нужно ставить это обстоятельство в вину писателю. Вероятно, здесь проявилась закономерность художественного творчества вообще. Ведь примером подобной неудачи можно назвать попытки одаренного многогранным талантом писателя Константина Симонова творчески развить идею, рожденную в знаменитом стихотворении «Жди меня». В поэзии она прозвучала (и звучит до сих пор) оглушительно ярко, в спектакле довольно приглушенно, а в фильме маловыразительно и откровенно банально...

11

1957 год стал весьма знаменательным рубежом в творческой биографии Дмитрия Яковлевича Гусарова. Он выпустил вторую книгу романа «Боевой призыв», завершив тем самым десятилетний период работы над своим первым крупным произведением о войне. В этом же году он начал новый большой труд – роман «Цена человеку».

Главной темой он избрал не войну и не восстановление народного хозяйства, как это может показаться при поверхностном прочтении. Гусаров пытается осмыслить взаимоотношения государства и личности. Он убеждает: необходимо изменить приоритеты, поставив во главу угла заботу о конкретном человеке. Гражданин, осознающий себя «винтиком государственной машины», не способен сделать Отечество могущественным, а жизнь полноценной и счастливой.

Эта проблематика актуальна и сегодня. Но во второй половине 50-х годов она была более чем злободневна. Четыре года страна жила без Сталина. Год назад состоялся XX съезд партии, ошеломивший страну. Новый партийный вождь Н. С. Хрущев развенчал «культ личности» своего грозного предшественника. «Сталину были совершенно чужды ленинские черты – проводить терпеливую работу с людьми...» – заявил он 25 февраля в секретном докладе на закрытом заседании съезда. Вскоре выяснилось, что самому Хрущеву эти самые ленинские черты чужды не менее, чем Сталину...

Скорее по инерции, чем по чьей-либо воле, страна минула пик жесточайшего авторитаризма, насажденного во всех сферах жизни – в политике, в экономике, в литературе, – всюду. Пережившей войну с её громадными потерями, испытавшей жесточайший гнёт репрессий, стране требовалось новое качество...

Как жить дальше? Как строить кадровую работу и управлять хозяйством?

Этого никто не понимал – ни за стенами Кремля в Политбюро, ни в самом отдаленном лесном поселке Карелии. Однако для многих думающих людей основной вопрос заключался не в совершенствовании систем управления, не в совнархозах и разделении партийного руководства на сельское и промышленное, а в отношении к людям. Останется ли гражданин «расходным материалом» для власти или станет наконец главной заботой государства, ради которой и должна определяться новая стратегия государственного и общественного строительства в СССР?

Название романа «Цена человеку» говорило само за себя. Не только Гусаров, но целый ряд писателей-фронтовиков пытались художественно осмыслить процессы, давно назревшие в стране, без решения которых невозможно было никакое движение вперед. Юрий Бондарев, Василь Быков, Георгий Бакланов, Даниил Гранин... Лучшие романы той поры ставили главной проблемой общества «цену человека», касались ли они науки, производства либо общественных отношений.

Дмитрий Яковлевич Гусаров резко усложнил свою творческую задачу. Главные действующие лица романа, среди которых развивается конфликт, отнюдь не случайные люди. Они не только давно и хорошо знакомы, они давние боевые товарищи, соратники, воевавшие в одном партизанском отряде и совсем недавно смотревшие в лицо смерти...

При таком положении вещей принципиальные жизненные установки каждого из них не просто не совпадают. Несовпадение это накладывается на прошлое и возводится в степень. Конфликт приобретает характер личностный, трагический, при котором никакого согласия, никакого примирения «ради общей идеи» либо мифических «показателей плана» быть не может...

Так и происходит в финале романа Гусарова. Главный герой уходит из жизни в результате сердечного приступа...

12

фабула романа «Цена человеку» не сложна. Выпускник лесотехнической академии Виктор Курганов отказался от аспирантуры и попросился на работу на производство, в самую что ни на есть лесную глухомань. У Виктора много идей по совершенствованию производства, большие амбиции и уверенность в себе, основанная на молодости и больших знаниях. Курганов партизанил в этих местах, в одном из походов был ранен. Командир отряда, жесткий и авторитетный Тихон Захарович Орлиев, оставил раненого в лесу под присмотром сандружинницы Ольги Рантуевой, пообещав вызвать для них гидросамолет. Несколько недель молодой боец и сандружинница провели вдвоем в лесу на берегу озера. Вовсе не удивительно, что между молодыми людьми вспыхнула страстная любовь...

В очередном партизанском рейде Виктор был ранен во второй раз. Отводя отряд в свой тыл, Т.З. Орлиев отправил Виктора и его друга разведчика Павла Кочетыгова на верную гибель. Он приказал им двигаться прямо на финскую засаду и вызвать огонь на себя. Ради сохранения всех он решил пожертвовать жизнями двоих...

Перед последним броском на амбразуры финских дотов, за несколько минут до гибели, у друзей состоялось объяснение. Павел тоже любил Олю и, поняв, что она предпочла Виктора, обманом оставил его на ночном льду, а сам пошел под огонь вражеских пулеметов...

...Раненый Виктор, из последних сил догнав-

ший отряд, не мог знать, что его товарищ не убит в скоротечном и безнадежном бою, а попал в плен. Тем более не знал он, что после войны, оболганный следователем, Павел получил срок заключения в лагерь на родине как предатель. Ольга забеременела и была отчислена из отряда еще до окончания боевых действий.

Отправленный на излечение в глубокий тыловой госпиталь, Виктор оказался в полном неведении. Он ничего не знал ни о Павле, ни о беременности Ольги, ни о её дальнейшей судьбе...

Теперь, оказавшись с молодой женой в отдаленном лесном поселке Войттозеро на должности технорука лесопункта, Виктор Курганов встретил сразу всех: своего бывшего командира Орлиева – теперь начальника лесопункта, бывшую партизанскую любовь Рантуеву с сынишкой без отца и бывшего боевого друга Павла Кочетыгова, ныне заключенного из недальнего лагеря, заканчивающего срок ...

Завязка и развитие романа Д. Гусарова «Цена человеку» не позволяет отнести его к привычному разделу «производственных», наводнивших советскую литературу 50-60-х годов. Да, герои много и горячо говорят о машинах, о технологии лесозаготовок и кубометрах плана. Однако основа конфликта отнюдь не в отношении к производству.

Виктор Курганов пытается убедить Орлиева в необходимости создать условия, при которых люди смогут жить лучше и работать производительнее. Он доказывает, что для этого не нужно ни дополнительных средств и машин, ни новых «установок партии». Нужно просто иначе относиться к человеку. Жизненно необходимо среди множества ежедневных и перспективных проблем главной поставить заботу о человеке. В представлении молодого специалиста забота о человеке – вот в чем состоит главная работа любого руководителя. Он убежден: будет хорошо человеку, страна получит сполна и леса, и дорог, и новой техники...

Орлиев считает предложения технорука «прекраснодушной ерундой». Он сам живет в рабочем общежитии, из имущества у него казённая койка, а на ужин пачка печенья... Для него главное «заставить работать кадры». Именно в этом, по мнению бывшего партизанского командира, состоит и обязанность, и мастерство настоящего руководителя...

«Лес – он любит мокрую от пота фуфайку да ломоту в костях к вечеру, – убеждает он Виктора. – Надо... заставить людей работать...» Заставить, приказать, убедить... Орлиев использует весь арсенал доступных ему и, на первый взгляд, бес-

спорных лозунгов: «Родине нужен лес!» «Родина ждёт от нас...» и тому подобное.

Писатель Д. Гусаров показывает в романе, как легко правильные лозунги могут быть опошлены и превращены в демагогию. Орлиев не согласен с изменениями технологии, при которой на несколько дней выработка одного из лесозаготовительных участков снизится. Он требует от технорука ежедневного выполнения плана по вывозке древесины, мотивируя это тем, что «страна каждый день ждет от нас...».

Курганов убеждает: да, сейчас выработка снизится, зато через несколько дней участок не только догонит отставание, но даст леса больше, чем давал прежде. Что же касается призывов типа «страна каждый день ждет...», так вся вывезенная лесопунктом за зиму древесина в ожидании сплава всё равно будет лежать до весны на берегах местной речки. И что особенно важно для нас, Гусаров развенчивает демагогию, в полной мере используемую орлиевыми во время войны...

Из «второго рассказа о войне» (в романе их всего четыре) мы узнаем, что, отправив двоих партизан на гибель и услышав звуки боя, командир отряда даже не сделал попытки выяснить их судьбу. И когда, перейдя озеро, отряд благополучно вышел на свой берег, Орлиев не захотел задерживаться, дожидаясь идущего следом по отрядной лыжне. Он использовал всё тот же набор привычных демагогических утверждений: «Я не могу губить весь отряд!» и так далее. Хотя на отряд никто не покушался, не было ни преследования, ни засад. В кульминационной сцене романа Ольга Рантуева высказала своему бывшему командиру: «Помните, в ту ночь вы даже и не подумали о тех, кого оставили прикрывать отход отряда. И теперь человек для вас - это списочная единица...»

Мысль о «списочной единице» на войне, высказанная Дмитрием Гусаровым через полтора десятилетия после её окончания, долго будет томить его писательскую душу. И в полной мере выплеснется в последней его документальной повести «История неоконченного поиска». В ней он расследовал историю судеб почти 80 павших в бою бойцов партизанского отряда А.И. Попова «Мстители» и отделения отряда «Боевые друзья». Отправленных на задание в ходе рейда партизанской бригады летом 1942 года бросил без помощи и поддержки комиссар бригады Н.П.Аристов. Партизаны героически погибли, оставаясь в безвестности на целые десятилетия...

В развитии темы чрезвычайно важен диалог Орлиева с бывшим бойцом Павлом Кочетыго-

вым. Павел вернулся из заключения, и Орлиев спрашивает, как его освободили: по амнистии или по реабилитации? Павел отвечает, что это не важно, поскольку никакой вины на нём не было и нет. Орлиев верит следователям. Он не может допустить малейшего сомнения в справедливости государственной Фемиды. Он настаивает: если амнистировали, значит, просто помиловали, простили; если реабилитировали, следовательно, признали, что вины не было...

Сам же он Павлу не верит, как не верит даже самому себе. По-командирски громогласный и авторитарный, он ощущает себя винтиком, деталью громадного государственного механизма – безгранично могущественного и безоговорочно справедливого. Павел отвечает, обращаясь к бывшим боевым товарищам Виктору и Ольге:

«Он нас три года водил за собой. Его умом мы жили и днем и ночью... Только мы ему верили, а он нам нет... Мы всей душой, а он нет... Как же так?»

Мысль о трагическом недоверии к простому солдату родилась из собственного боевого опыта Дмитрия Яковлевича Гусарова. В партизанской войне, где противник может оказаться и спереди, и сзади, и сбоку, это недоверие было более выражено, чем на фронте, где враг вот он – за передовой линией окопов.

Высказанную впервые в романе «Цена человеку» мысль писателя-партизана затем многократно исследовали в художественных образах авторы лучших военных романов 60-70-х годов. К слову сказать, именно спустя 15 лет после Побе-

ды писатель Сергей Смирнов рассказал о результатах своего расследования. Книга «Брестская крепость» впервые открыла имена сотен брошенных и забытых солдат и офицеров – защитников Брестской крепости. Следует добавить здесь, что именно тотальным недоверием к фронтовикам следует объяснить известный парадокс послевоенной советской истории, когда после 1945 года в лагерях ГУЛАГа оказалось многократно больше узников, нежели в 1937 году. Подавляющее большинство заключенных составляли вчерашние спасители Отечества...

История Виктора Курганова оказалась близка и остро воспринята читателем. Роман «Цена человеку» издавался и переиздавался в Петрозаводске и Москве в 1963, 1965, 1970, 1972 и 1981 годах. В 1967 году он был издан в Праге на чешском языке.

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

— публицист, писатель, окончил факультет журналистики ЛГУ и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии сотрудником и главным редактором. Лауреат международной литературной премии Союза писателей России «Полярная звезда», победитель Всероссийского литературного конкурса «Бородино» губернатора Московской области, лауреат премии Республики Карелия в области литературы (2008 и 2014 гг.), премии журнала «Север» и специальной премии Союза журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»; заслуженный работник культуры Российской Федерации.

